

«აღმოსავლური კრებული». I. საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა. თბილისი, 1960, 232 აგ.

«Восточный сборник». I. Издательство АН Груз. ССР. Тбилиси, 1960, 232 стр.

«კავკასიურ-აზღოსავლური კრებული». II. საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა. თბილისი, 1962, 248 გვ.

«Кавказско-ближневосточный сборник». II. Издательство АН Груз. ССР. Тбилиси. 1962, 248 стр.

Широта и размах научно-исследовательской работы по достоинству расценивается как наиболее яркий показатель роста национальной культуры. Это особенно верно в отношении советских республик, где подобный рост нередко становится очевидным на примере деятельности того или иного научного учреждения. Для культурной жизни Грузии таким учреждением может быть назван Институт истории им. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР.

Значительные научные силы, сконцентрированные в Институте истории, не ограничиваются продолжением традиций, сложившихся в грузинской исторической литературе; опираясь на научную методологию и широко используя богатейший опыт советской исторической науки, эти силы направлены на разработку проблем, далеко выходящих за пределы тематики грузинской историографии. Подобная масштабность особенно отличает последние годы деятельности института. Помимо периодического издания своих «Трудов», институтом опубликованы фундаментальные исследования по истории Грузии, ее материальной культуре и медно-бронзовой металлургии в древности, археологические исследования средневековых городов, а также по этнографии племен. К последним же годам относятся изданные институтом монографии по истории Урарту и целого ряда других книг по проблемам, касающимся древневосточных цивилизаций. Но это далеко не все. В 1960 г. Институт истории основал новую серию публикаций под названием «Кавказско-ближневосточных сборников». Этот факт заслуживает особого внимания, ибо свидетельствует о том, что грузинское советское востоковедение обрело достаточно прочную базу, чтобы быть представленной (по примеру ряда других республик) в самостоятельной академической серии. Два тома уже вышедших в свет «Сборников»

со всей очевидностью убеждают и в том, что новая серия включает в себя ценные исследования грузинских востоковедов как по истории Грузии и сопредельных ей стран, так и по проблемам истории стран Ближнего Востока.

Содержание обоих томов составителями не ограничено строгими хронологическими рамками, хотя в принципе оно подразделяется на материалы по древней истории, истории средневековья и — в небольшой своей части — истории нового и новейшего времени.

Древняя история Малой Азии и Ближнего Востока получила освещение в ряде статей, представляющих из себя разработку и исследование проблем, недостаточно изученных в исторической науке. Среди таких работ должна быть прежде всего отмечена статья Г. Г. Гиоргадзе, который на большом историко-географическом материале локализует страны Малой и Великой Арцавы границами, соприкасающимися со страной Хатти (совр. Афьон-Карахисар и Ак-Шехир), где в начале II тысячелетия до н. э. было установлено господство хеттов (т. I, стр. 5—28). Другая работа Г. Г. Гиоргадзе посвящена исследованию торговых и культурных взаимоотношений Каппадокии с соседними странами в тот же период (т. II) и в общих чертах намечает контуры большой научной задачи, требующей глубокого анализа в дальнейшем.

В «Сборниках» опубликованы две небольшие по своему объему, но выдержанные в духе строго научного анализа статьи Э. А. Менабде по хеттской истории. Первая из них посвящена наследственно-правовым отношениям («Наследственно-правовые отношения в хеттском обществе», т. I, стр. 29—58), получившим слишком мало места в Сборнике хеттских законов. Это обстоятельство требует от исследователя привлечения данных из других документов, не-

сомненно близких к хеттским древневосточным правовым. Другая статья — «О характере придворных смут в хеттском государстве (XVII—XVI вв. до н. э.)» (т. II, стр. 33—44). В первой Э. А. Менабде восполняет имевшийся в нашей литературе пробел в отношении норм хеттского наследственного права, во второй, — основываясь на анализе указа царя Телипину об упорядочении системы престолонаследия, — дает четкую картину политической борьбы, скрывающейся за придворной междоусобицей хеттского государства середины II тысячелетия до н. э.

Из материалов по древнему Востоку, относящихся к собственно грузинской истории, должна быть упомянута прежде всего обширная статья М. П. Инадзе о торговле в древней Колхиде («К вопросу о торговле в древней Колхиде», т. II, стр. 81—126). В ней автор поставил себе целью выяснить общий характер и основные этапы развития торговли в Колхиде. Привлечение большого археологического материала и критическая оценка результатов изучения Колхиды в современной науке дали автору возможность выделить основные этапы развития внешней и внутренней торговли, подчеркнуть уже для VI—V вв. до н. э. регулярный, а не эпизодический характер торговли Колхиды с Грецией. Автор утверждает возможность наличия интенсивной торговли в этот период также со странами Малой Азии и через Синоп — с Египтом и Месопотамией. В статье М. П. Инадзе приводятся исторические сведения о проникновении греческого художественного ремесла, керамики, сельскохозяйственных культур в Колхиду. Полноте описания позднеэллинистического периода помешала недостаточность сохранившихся источников. Тем не менее статья М. П. Инадзе в целом способствует выяснению вопроса об уровне экономического развития и внешнеторговых связях древней Колхиды.

Этой работой освещение истории древней Колхиды в «Сборниках» не исчерпывается. По своему содержанию публикация результатов археологических исследований в районе Вани как бы детализирует основные положения исследования М. П. Инадзе, хотя и совершенно самостоятельно ставит проблемы Колхидской истории. Речь идет о публикации «Археологических рас-

копок в Вани», принадлежащей Н. В. Хоштария (т. II, стр. 65—80). В ней обобщены результаты раскопок, проведенных в течение 15 лет близ районного центра Вани (ок. 25 километров к востоку от г. Самтредиа) на остатках античного города. Основываясь на данных раскопок, Н. В. Хоштария устанавливает наличие тесных торговых связей этого города с западной Малой Азией, Египтом, Грецией (с прилегающими к ней островами Самос и Родос) и на этом основании ставит, в частности, вопрос о необходимости пересмотра традиционного мнения о местонахождении политико-экономического центра древней Колхиды в районе современного Кутаиси, ибо по мнению автора археологические данные из Вани весьма убедительно говорят о чрезвычайно большом значении этого города не только для античной Колхиды, но, возможно, и для Колхиды периода раннего средневековья.

Среди статей этого раздела особое место занимает работа Н. В. Хазарадзе «Некоторые вопросы древнейшей истории Фригии» (т. II, стр. 45—64). Если работы М. П. Инадзе и Н. В. Хоштария представляют интерес для историков Грузии, то исследование Н. В. Хазарадзе одинаково важно и для грузиноведов, и для арменистов, поскольку в этом исследовании рассматриваются актуальные вопросы этногенеза народов Кавказа.

Исходя из такого общепризнанного факта, как индоевропейское происхождение фригийцев, Н. В. Хазарадзе подвергает критическому анализу вопрос о генетическом родстве фригийцев с мушками и армянами. В первом случае автор акцентирует внимание на этнической принадлежности мушков к группе картвельских племен и, опираясь при этом на данные этнонимики и топонимики Грузии, сравнивает древневосточное «мушку» с грузинским этническим термином «месхи», с географическими наименованиями Самцхе, Месхети и т. п. К выявленному в литературе моменту лингвистического сходства наименования «мушку» с библейским «мешехом» и этническими «мосх-месх» (груз. «месхи») автор добавляет также имеющие большое значение сведения древних, согласно которым «месхеней», имевшие в качестве прародителя Мосха (Месха), являются древнейшими жителями Каппадокии, обитавшими в северо-

восточных областях Малой Азии. Здесь же Н. В. Хазарадзе делает предположение, что мушки, очевидно, населяли указанные районы еще задолго до вторжения в Малую Азию так называемых «морских народов», а вместе с ними и фригийцев (XII в. до н. э.).

Появлению фригийцев в Малой Азии, переселившихся сюда с Балкан, вообще придается большое значение. Автор опирается на этот факт и в другом случае, когда приступает к решению проблем этногенеза армян.

Армяне, как и фригийцы, в своем генезисе связаны с балканским этническим миром, и Н. В. Хазарадзе придерживается здесь концепции Дьяконова, Еремяна и Бэнэциану. Она не согласна лишь с той частью этой концепции, в которой предки армян отождествляются с мушками и переселение их в Малую Азию связывается со временем вторжения «морских народов». Н. В. Хазарадзе исключает этот момент на основании ей самой выдвинутого предположения о том, что мушки, по всей вероятности, уже обитали на территории, которая еще должна была стать объектом вторжений, местом интенсивных этнических изменений¹. Хотя и нет достаточно убедительных документальных данных, говорит Н. В. Хазарадзе, мы все же должны полагать, что в Малую Азию в качестве предков армян переселились другие племена, но отнюдь не мушки и при том значительно позднее периода переселения «морских народов» (см. т. II, стр. 57). В статье указывается в этой связи, что сведения из древних источников могли бы в некоторой степени пролить свет на такое решение вопроса хотя бы потому, что, например, по свидетельству Геродота

¹ Во всяком случае именно к периоду вторжения и позже, около XII—VIII вв. до н. э., «страна мушков», по утверждению автора, могла локализоваться в пределах восточной окраины Малой Азии, точнее—к востоку от среднего течения р. Галис, между Антитавром на юге и Понтийскими горами на севере. Этот вопрос особо рассмотрен автором на основании сравнительного анализа ассирийских, урартских и хеттских источников в работе «К вопросу о восстановлении названия «страны мушков»». См. «Сборники», т. I, стр. 74—86, 89.

(I, 28, 72 и др., особенно VII, 73), фригийцы у себя на родине назывались «бригами» и лишь с переселением в Азию получили свое ныне широко известное название. Это позволяет думать, что Геродот имел в виду не переселение предков армян из Балкан в XII в. до н. э., а скорее из Фригии. Фригийцы, однако, не индоевропейские предки армян, и эту теорию, восходящую к древним историкам, следует отвергнуть. Но если генезис армян все же надо связывать с этническими перемещениями эпохи вторжения, то лишь при допущении, что в тот период переселялись сюда предки армян и фригийцев.

По мнению Н. В. Хазарадзе, такая интерпретация вопроса о времени переселения предков армян в Малую Азию может быть признана истинной, если вспомнить, что упоминание об этих племенах встречается лишь в очень поздних источниках как древнеперсидского, так и древнегреческого происхождения. Кроме того, ведь вся Малая Азия, как это указывает и Дьяконов, вплоть до VIII в. до н. э. была населена этническим коллективом, пользующимся лувийским иероглифическим письмом. Вывод: «Приход предков фригийцев и армян из Балкан в зап. Малую Азию в XII в. до н. э. предположительно; приход армян из центральной и западной Малой Азии в Малую Армению мы должны датировать VII веком». Этими строчками заканчивается статья Н. В. Хазарадзе.

Несомненно, генезис фригийцев — это проблема, с которой связан ряд спорных вопросов и в их числе — вопрос о генетических взаимоотношениях фригийцев, мушков и армян, требующий для своего решения привлечения исторического, а также этнографического и лингвистического материала. Не приходится говорить о важности выработки достаточно эффективного метода использования этого материала, столь обширного по своему характеру. Н. В. Хазарадзе вполне оправданно использовала разносторонние источники, но в идентификации мушк-мосх (месхенен) отдала предпочтение лишь одной из существующих в литературе концепций, с легкостью отбросив другую концепцию, утверждающую индоевропейское происхождение мушков. Это придало стройность исторической реконструкции этногенеза племен, которую предлагает

автор, но этническое родство мушков с индоевропейскими фригийцами этим исключил с самого начала, и то—ради цели доказать расселение первых на территории Малой Азии еще до прихода этнических групп с Балканского полуострова. Но эта прямолинейная, доведенная до односторонности точка зрения на мушков, как относящихся к группе картвельских языков, в своих основных контурах, опираясь опять-таки на отождествлении *месх* (*месх*) — библ. *месех*, утверждалась слишком давно²; она привела также к такому курьезу, как попытка некоторых вывести термин «мушки» от груз. «месх»... Что все же правильнее предполагать обратное,— показал Г. А. Мелнкишвили. Тот же Г. А. Мелнкишвили подчеркивал — и это важнее отметить,— что термин «мушки» в отношении грузинских племен применим лишь «постольку, поскольку грузины (картвелы) наряду с фригийцами входили в «царство мушков», ибо речь может идти только о племенах-мушках, среди которых следует предполагать присутствие и картвельских племен»³. Не нуждается в напоминании и тот факт, что Г. А. Мелнкишвили еще в 1954 г. показал, что после крушения хеттской империи, совпавшего по времени с вторжением «морских народов», в Малой Азии появились ранее неизвестные здесь племена и среди них — племена мушков⁴. Вряд ли нужно после этого подчеркивать, что посылкой в построении тех или иных концепций могут служить лишь те факты и явления, которым предварительно дано убедительное объяснение. Во всяком случае даже самый беглый экскурс в историографию вопроса может дать немало аргументов, свидетельствующих по меньшей мере о поспешности, с которой Н. В. Хазарадзе делает свои утверждения, в том числе утверждение о необходимости расширения исторических рамок расселения мушков в Малой Азии. То же можно было бы сказать об использовании термина «мушки» в аспекте этногенеза пле-

мен и народов Кавказа, поскольку в литературе он используется только в смысле собирательного понятия для группы племен, чего на деле у Н. В. Хазарадзе нет, и здесь не приходится повторять толкования Г. А. Мелнкишвили и др. Укажем лишь, что «мушки», как наименование некровнородственных племен, имеет принципиальное значение и служит исходным пунктом для решения целого ряда вопросов. Г. А. Капанцян, на которого ссылается Н. В. Хазарадзе, имел, например, все основания напоминать о мушках и при рассмотрении этногенеза армян. Он не отрицал принадлежность месхов к грузинскому этническому коллективу, но допускал возможность сближения месхов также с армянами. «Одно только для меня,— говорил Г. А. Капанцян,— остается неопределенным: является ли эта связь, укрепляемая и данными армяно-грузинской некоторой языковой общности, исконной на базе соседствования и взаимопроникновения еще с середины II тысячелетия до н. э., когда хайасцы—армяне соприкасались с этими мушками... или же это есть плод позднейшего вклада, когда, напр., часть мушков (=месхов) арменизируется»⁵. Очевидно, Н. В. Хазарадзе импонируют лишь категорические суждения, даже если они грозят оказаться односторонними, идет ли речь о мушках или о индоевропейском происхождении армян. Так, например, тезисы некоторых авторов (скажем, А. Асмангулян, пытавшейся подвергнуть сомнению «двуприродность» армянского языка⁶, или И. М. Дьяконова, стремившегося «объяснить лишь индоевропейский в своей основе характер армянского языка»⁷) Н. В. Хазарадзе использовала для фактического отрыва армян от мушков, исключив тем самым связи протоармянского с переднеазиатским языковым ареалом. И если сторонники индоев-

⁵ Г. А. Капанцян. Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1948, стр. 146.

⁶ «Вопросы языкознания», № 6, 1953, стр. 30.

⁷ И. М. Дьяконов. Хетты, фригийцы и армяне. Проблема армянского языка; в кн.: «Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии». Изд. вост. лит-ры. М., 1961, стр. 368. Армянский вариант, идентичный русскому, опубликован в «Известиях АН Арм. ССР», № 11, 1956.

² См. например, А. Хаханов. Древнейшие пределы расселения грузин в Малой Азии. М., 1890.

³ Г. А. Мелнкишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 78.

⁴ Г. А. Мелнкишвили. Напри-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 410—411.

ропейского происхождения армян останавливались на XII в. до н. э. как моменте переселения их предков в Малую Азию, то Н. В. Хазарадзе передвигает этот момент на несколько веков ближе, доведя до VII в. до н. э., ибо, говорит она, «считать мушков предками армян — неоправданно» (т. II, стр. 57), тем более, что, по ее мнению, древние авторы (Геродот, Эвдокс, Страбон и др.) говорят о более позднем переселении.

Если следовать научным традициям, то важно предельно широко аргументировать свои положения и учитывать степень обоснованности выводов тех исследователей, которые привлекаются для этого. И. М. Дьяконов, например, неоднократно цитируемый у Н. В. Хазарадзе, действительно обнаруживал фонетическое, морфологическое и лексическое сходство армянского с фрако-фригийскими языками, чтобы доказать исключительно индоевропейское происхождение армян, и при этом совершенно отвергал возможность связи между страной Хайаса и самоназванием haу. Но И. М. Дьяконов оговаривался при этом, что в построении этой концепции он «не претендует на самостоятельный анализ индоевропейских языков, а берет готовые выводы специалистов» по каждому из этих языков⁸.

Если следовать историческим традициям, то важно предельно широко проводить сравнительный анализ и при оценке достоверности тех или иных версий не отдавать предпочтение тем, которые с легкостью подтверждают заранее составленную схему. Н. В. Хазарадзе не могла не знать, что исторические традиции говорят, например, о «Паруйре, сыне Скайорди, первом венценосце Армении» для середины VIII в. до н. э., т. е. для периода, предшествующего намеченному самой Н. В. Хазарадзе VII веком до н. э. Некоторые арменисты считали даже (Г. Эмин), что Паруйр был скорее реставратором династии Хайкидов, чем «первым венценосцем». Впрочем, детальный анализ всего круга этих вопросов, как и сопоставление научных традиций и традиций исторических, может быть дан в специальном исследовании и, надо полагать, арменисты с интересом относятся к оригинальной концепции Н. В. Хазарадзе, заострившей внимание на многие стороны пробле-

мы этногенеза армянского народа и народов Кавказа.

Переходя к материалам по истории средневековья, следует отметить, что они занимают в «Кавказско-ближневосточных сборниках» наибольшее место, причем некоторые статьи этого раздела представляют широкий интерес. Так, налоговую политику ильханов изучает К. Кикнадзе в работе «Тамговые сборы в государстве ильханов» (т. I, стр. 93 и сл.). Монеты с грузинской надписью, имевшие хождение во II четверти XIV в., в сопоставлении с «Уложением», составленным Георгием V в 1334—1335 гг., положены в основу исследования В. Н. Габашвили, который рассматривает их в качестве симптома значительного ослабления монгольского влияния в Грузии (I, стр. 121 и сл.).

Остальные работы по средневековой истории в своем подавляющем большинстве связаны с Грузией периода ее наибольшего культурного развития. Привлечение новых источников, их сравнительный анализ, выяснение социального и политического характера ряда фактов, имевших место в истории позднего грузинского средневековья, делают эти работы грузинских востоковедов необходимыми для дальнейшего изучения истории Грузии и ее народа. Прежде всего таковы по своему содержанию статьи Д. В. Кацитадзе «Персидские источники XV в. труда П. Горгиджанидзе и продолжение «Картлис цховреба» (т. I, стр. 149 и сл.), К. Г. Табатадзе «Тбилисская рукопись «Тазкире» шаха Тахмаспа I» (там же, стр. 169 и сл.) и принадлежащая тому же автору работа «Сведения Шереф-хана Бидлиси о Грузии» (т. II, стр. 159 и сл.). К этой группе работ примыкает также статья Н. Н. Шенгелия о составленной в 1572—1573 гг. для Самцэ-Саатабаго «Канун-Намэ Гюрджистана» (т. I, стр. 183 и сл.) и интересное исследование Р. К. Кикнадзе «Персидский источник грузинского анонимного историка XIV века» (там же, стр. 127 и сл.), в котором историк Джувейни устанавливается в качестве основного источника для автора знаменитой анонимной истории владычества монголов в Закавказье.

Логическим завершением исследований по истории средневековой Грузии служит работа Д. В. Кацитадзе, в которой с наи-

⁸ И. М. Дьяконов. Цит. сб., стр. 340.

большей силой отражена тенденция, определившая судьбы Грузии в ее дальнейшем историческом развитии («Персидские документальные источники XVI—XVII веков по истории Грузии», т. II, стр. 189 и сл.). Два факта, приведенных Д. В. Кацитадзе, наглядно свидетельствуют об этом. Первый — это письмо к эрзерумскому паше, написанное двумя иранскими вельможами в 1554 г. Впервые опубликованное венгерским ориенталистом Фекетом, это письмо привлекает внимание Д. В. Кацитадзе как чрезвычайно ценный документ для исследования социально-экономической и политической жизни Грузии, раздиравшейся внутренними противоречиями в условиях господства Турции на западе, Персии — на востоке Грузии.

Письмо к эрзерумскому паше, использованное автором исследования для яркой характеристики сложившейся в Грузии хозяйственной и политической ситуации, тесно связано с другим документом, относящимся к более позднему времени, но служащим как бы продолжением первого. Речь идет о фирмане Шах-Аббаса русскому царю от 27 октября 1615 г., в котором неприкрыто высказывается тревога по поводу неповиновения некоторых грузинских феодалов персидским властям, что, очевидно, было прямым следствием возрастающего стремления Грузии к установлению тесных контактов с Россией.

К сожалению, более поздние века и тем более новейшая история стран Востока получили слишком мало места в обоих томах «Сборников» и ограничиваются двумя статьями. Это — опубликованные в I томе работы Ш. Н. Курдгелашвили «Из истории борьбы за расторжение англо-египетского договора 1936 года» и историографический анализ чрезвычайно актуальной проблемы формирования тюркизма, который дается в статье О. И. Гигненишвили, рассматривающего идеологию тюркизма на фоне противоречий в социально-экономическом развитии Турции.

Помимо статей, «Кавказско-ближневосточные сборники» содержат большой критико-библиографический раздел, освещающий целый ряд изданий востоковедческого характера, вышедших в свет в Грузии и за рубежом. Значительно больше «не повезло» аналогичным изданиям соседних с Грузией

республик, в которых востоковедение направлено на разработку проблем, представляющих одинаковый интерес для специалистов-востоковедов всех республик Закавказья. Рецензия Д. Кацитадзе на монографию О. А. Эфендпева «Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI века» (т. II) остается к сожалению, единственным примером, достойным подражания при подготовке к печати следующих томов.

Основанная Институтом истории им. Джавахишвили серия «Кавказско-ближневосточных сборников» задумана как фундаментальное издание, и поэтому было бы справедливо видеть в последующих томах критическое освещение той, относящейся к грузиноведению, литературной продукции, которая выпускается не только известными зарубежными научными центрами, но и такими, как School of Oriental and African Studies при Лондонском университете и другими. Точно так же редакция «Сборников» могла бы оказать большую помощь своим читателям, если бы помещенный ею во II выпуске библиографический указатель изданий по истории Грузии, древнего Востока, археологии и этнографии не ограничивался описанием одних монографий, но охватывал бы также и статьи, публикуемые в «Научных записках», «Трудах» и различного рода не периодических изданиях, ибо как ни ценна библиография только книг, изданных в Грузии за период с 1951 по 1961 г., она все же не дает достаточно полной информации о специальных публикациях в грузинской советской печати. И, наконец, последнее, что следует отметить, — это крайне незначительное число статей, напечатанных в «Сборниках» на языке, доступном более широкому кругу востоковедов за пределами Грузии.

Независимо от этого, однако, следует подчеркнуть, что первые два тома «Кавказско-ближневосточных сборников» могут рассматриваться как значительный успех в развитии грузинского советского востоковедения. Профессионально подготовленное и технически хорошо оформленное это издание займет достойное место в богатой советской исторической литературе.

Р. НАВАСАРДЯН